

Леонид Андреев S.O.S. Дневник (1914–1919). Письма (1917–1919). Статьи и интервью (1919). Воспоминания современников (1918–1919) / под ред. и со вступ. ст. Р. Дэвиса и Б. Хеллмана. – М.; СПб.: Atheneum-Феникс, 1994. – 598 с.

Прошло более десяти лет с момента появления этого издания. За все это время книга литературоведческих материалов, освещающих последние годы жизни Л. Н. Андреева, не привлекла к себе того внимания, которого она, на наш взгляд, заслуживает. Возможно, дело отчасти в традиционном российском «шапкозакидательстве» (мол, что они там, на Западе, знают о русской литературе?), отчасти в отсутствии рекламной броскости «продукта». Но именно отсутствие ярких этикеток частенько говорит о качестве продукции, а качество – лучший ответ традиционному «шапкозакидательству». Помимо громадного интереса, который книга имеет для сообщества андрееведов, а также для всех исследователей русской литературы начала XX столетия, это издание предлагает новые принципы публикаторской работы. Это тем существеннее, что мы переживаем сегодня публикаторский бум – нередко основанный на самоценном желании издать без осмысления сущности публикаторского процесса. По нашему глубокому убеждению, публикационная сфера научного литературоведения нуждается сегодня во всестороннем, вдумчивом реформировании. В этом западная русистика может очень помочь. Речь идет не об автоматическом копировании западных методик (этим за последние десятилетия грешили достаточно), а о творческом диалоге с иной традицией. Вряд ли на нас снизойдет свет из-за океана, но свежий ветер повеет непременно.

У нас принято публиковать документ – большой ли, малый, но обязательно законченный, законченный. Интертекстовые связи, как правило, остаются за пределами публикаторской работы. Традиционный публикатор опубликовал бы отдельно дневник, отдельно письма, отдельно воспоминания современников. Р. Дэвис и Б. Хеллман предлагают публикацию всего корпуса текстов (публицистического и личного характера) за определенный период. Границы выделяемого периода зависят от воли публикатора, но в данном случае обоснование проведенной границы очевидно. При этом публикуются все тексты – как известные, так и неизвестные научному сообществу. В результате каждый отдельный документ (дневниковая запись, письмо или статья) получает свое место в контексте творчества писателя. Мы созерцаем не документ, изолированный от мира в научной колбе, а собственно литературный процесс. Сюда же добавлены воспоминания современников – фотографические снимки Андреева (неслучайно в книге так много фотографий – публикации фотографий Р. Дэвис вообще уделяет особое внимание), «проявленные и напечатанные» позже, но снятые с живого писателя, в тот самый момент, когда писались письма и статьи. Воспоминания современников можно воспринимать и иначе (безусловно, Р. Дэвис и Б. Хеллман знают об этом), но рядом с письмами и статьями непосредственное восприятие воспоминаний (непосредственность, кажется, уже давно утеряна отечественным литературоведением) более продуктивно.* Сразу оговоримся, что эта непосредственная трактовка воспоминаний современников не имеет ничего

* Неслучайно авторы издания не включили в книгу «многочисленные некрологи и „поминальные“ статьи, содержащие разного рода попытки подводить „итоги творчества“ писателя, которые появились после его смерти» (с. 518).

общего с так называемым «биографическим методом». Высочайший профессионализм работы редакторов тома не вызывает сомнений.

Другой момент: у нас принята предельная безличность публикаций (впрочем, сегодня это местами начинает преодолеваться. При этом публикатор нередко впадает в другую крайность – ненужную страстность или полемику непонятно с кем). Разнородность жанрового состава андреевских текстов, помещенных в «S.O.S.», позволяет соединить академизм (полноту и обстоятельность комментария) с оригинальным восприятием литературного процесса, сделать публикацию своего рода интерпретацией. Заглавие сборника столь же необычно, как и его состав. «S.O.S.» – название статьи Л. Андреева, написанной в 1919 г. и направленной против примиренческой политики государств Антанты по отношению к большевикам... Тем самым выделена доминанта – не только книги, но и творчества, мировоззрения Андреева последних лет жизни. «S.O.S.» в заглавии сборника имеет значительно более широкое значение, чем в заглавии андреевской статьи. Это распад всего уклада жизни, трагедия которого волнует писателя более всего в 1917–1919 гг. Сборник выстраивается вокруг доминанты и при полном соблюдении научной объективности предлагает определенный угол зрения на все наследие писателя. Предлагает предельно ненавязчиво: мы можем отказаться от точки зрения редакторов, придерживаться своей. Но она настолько органична, что отказываться от нее, по крайней мере совсем, вряд ли имеет смысл.

Особо выделяется комментарий, занимающий почти треть книги. Подготовка текста и публикация вариантов в лучших сегодняшних изданиях и у нас на высоте, но вот комментарий оставляет желать лучшего. Комментарий получается либо слишком подробным, либо куцым; нередко комментируется не столько публикуемый текст, сколько точка зрения автора публикации. Комментарий Р. Дэвиса и Б. Хеллмана можно назвать эталоном комментаторской работы. Комментируется именно то, что нужно, и именно настолько, насколько нужно. Ничто не остается не откомментированным (а ведь оставить что-либо без комментария, пробелом – наиболее типичный вид комментаторской халтуры), и при этом в комментарии нет ничего лишнего, он последовательно и аккуратно сопровождает текст. Бережность по отношению к авторскому слову особенно заметна во вступительной статье: никаких установок, исключительно разъяснение тех контекстов, которые могут быть неизвестны читателю, но при этом важны для постижения публикуемых текстов. Во-первых, принципиальный антибольшевизм Андреева, драпировавшийся ранее (при публикации воспоминаний детей Андреева и других материалов) по идеологическим причинам. Во-вторых, «биографический и исторический фон публикуемых материалов» (с. 10). Особо – русские антибольшевистские организации в Финляндии, о которых рядовой читатель не знает практически ничего. Им посвящена отдельная глава вступительной статьи. И наконец, жизнь Андреева в 1917–1919 гг., его интересы, стремления и творческие планы. Предельная краткость (вступительная статья к почти 600-страничному тому занимает 12 страниц!) и простота статьи не подавляет авторский текст, а сопровождает его на правах комментария.

Обстоятельностью и удобностью отличается справочный аппарат. Несколько разных указателей (произведений Л. Андреева; газет, журналов и сборников; античных, библейских, литературных, мифологических и других имен; географических названий; личных имен) позволяют быстро ориентироваться в пределах всей книги. Весьма удачно решение не раскрывать каждый раз в комментарии часто встречающиеся собственные имена, включая разного рода уменьшительные имена и сокращения имен. Все варианты имени одного человека помещены в указатель личных имен, более подробные сведения о человеке можно найти в отдельном биографическом справочнике. Сбрав воедино андреевское наследие последних лет, редакторы дробят комментарий на рубрики и разделы: он становится универсальной

лоцией для свободного плавания по текстам писателя. Знаменательно, что и в своих текстологических решениях редакторы не следуют привычным образцам, а каждый раз исходят из соображений удобства работы с книгой.

Наконец, язык комментаторов. Почему-то у нас считается правилом хорошего тона писать комментарии (и статьи) неудобоваримым штампованным языком, который (и в журналистике тоже) считается синонимом объективности. Лексика, грамматика, в особенности стилистика, заимствуются чуть ли не из милицейского протокола. Комментарий Р. Дэвиса и Б. Хеллмана написан ясно и просто, не претенциозно-научным, а хорошим русским языком. Это тем замечательнее, что для обоих публикаторов русский язык не является родным. Тут невольно вспомнишь изречение, что лучшие словари создаются не носителями языка, а иностранцами. А объективный научный подход комментаторы выражают иначе – не заумно-протокольными фразами, а самим содержанием комментария.

Многожанровая публикация Р. Дэвиса и Б. Хеллмана заставляет пересмотреть многие формулировки «начальной» теории литературы, которые с первого курса кажутся нам очевидными и пересмотру не подлежащими. Но почему бы и не пересмотреть то, чему нас учили как абсолютному правилу? «Почему, например, у вас в России все в один голос считают каноническим текстом последнюю авторскую волю?» – спрашивал меня Р. Дэвис в личной беседе. Этот вопрос, честно говоря, стал для меня откровением. А и впрямь, почему? Что за абсолютное правило? Каждый раз канонический текст должен определяться в зависимости от обстоятельств. Например, указывал Дэвис, признанный каноническим текст бунинской «Деревни» совсем не тот, что стал литературным событием 1910 г., не тот, что прочли современники. Не следует ли в этом случае считать канонической первую редакцию? Возможно, следует. По крайней мере, никак не следует руководствоваться застывшими школьными установками, какими бы авторитетными они нам ни казались. И здесь очень следует поучиться у Ричарда Дэвиса и Бена Хеллмана.